

© 1990 г.

К. У. Гейли

ДИАЛЕКТИКА ПОЛА * В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА

Там, где классовые и государственные структуры возникают на основе различных типов общественного способа производства, появляются также сферы гражданского или частного производства и изменяются производственные отношения, прежде подчиненные только нуждам общинного воспроизводства. Работа, которую мы здесь определяем как неотчужденный труд, превращается в труд, призванный обеспечить извлечение услуг и материальных ценностей на пользу формирующимся непродуцирующим классам (классу). Хорошо известно, что организация работы в общинных организациях строится в соответствии с половозрастным делением общества, его родственной структурой, реальными различиями в опыте и навыках людей, а иногда и в соответствии с делением на ранги или страты.

Чтобы понять динамику классово- и политогенеза, принципиально важно исследовать процесс трансформации работы в труд, с одной стороны, и процесс подчинения общинных нужд нуждам государства и господствующего класса (классов) — с другой. Процесс формирования государства создает глубокий кризис в общественном воспроизводстве на общинном уровне¹.

Отношения в общественном воспроизводстве определяются существующими в обществе полоролевыми стереотипами. В государственных системах правители обосновывают положение подданных и приоритет государства с помощью идиом и метафор, отражающих мир, структурированный по принципу пола. Эти полоролевые идиомы используются и правителями и подданными, но смысл, вкладываемый в них теми и другими, совпадает лишь частично.

Недостаток многих научных трудов по государствообразованию состоит в том, что отношения между полами либо игнорируются их авторами, либо, что еще хуже, воспринимаются как нечто остающееся неизменным. Однако, на наш взгляд, необходимо признать решающее значение полового разделения труда в процессе классово- и государствообразования.

В догосударственных социальных образованиях пол человека включен в сложную систему взаимопереплетающихся родственных связей. В процессе формирования государства там, где возникновению гражданских структур не препятствуют устойчивые родственные структуры, пол частично абстрагируется от отношений родства.

* В оригинале название статьи «Dialectics of gender in state formation». Английское слово «gender» не имеет прямого аналога в русском языке, это весьма многозначное культурологическое понятие, которым в англоязычной культурной и социальной антропологии обозначается целый комплекс явлений: распределение ролей и функций между мужчинами и женщинами в обществе, соотношение их социальных статусов, а также существующие в культуре представления о сущности и признаках маскулинности и фемининности. Далее в тексте слово «gender» передается не всегда словом «пол», но в зависимости от контекста и такими словосочетаниями, как «полоролевая структура», «полоролевое соотношение», «система взаимоотношений полов» и др. (прим. пер.).

Основанное на классовой дифференциации разделение труда делает родственную и половую принадлежность второстепенными факторами по сравнению с делением общества на эксплуататоров и эксплуатируемых. Чтобы правильно понять динамику пола в процессе формирования классов и государства, необходимо оценить подлинное значение таких категорий, как «пол», «класс», «родство» и найти им адекватные места в общетеоретической модели.

Диалектическая и процессуальная концептуализация пола. Пол в культурологическом значении этого термина (gender) надо отличать от биологических половых различий (sex). Государственные идеологии обычно представляют полоролевую дифференциацию в виде изначально заданного вечного явления, так или иначе детерминированного биологическими половыми различиями. Но не следует принимать эту редуционистскую трактовку. В целом ряде феминистских антропологических работ, особенно в тех, которые появились за последние 15 лет, критикуются распространенные в литературе модели брака как обмена (в значительной части они связаны со структуралистским подходом), противопоставления общественной и частной сфер жизнедеятельности как универсального явления, а также линиджных структур и их соотношения с системой разделения власти или авторитета между полами. В них подвергаются критике концепции предполагаемого центрального места брака в родственных структурах и рассматривается вопрос об исконности или, напротив, исторической обусловленности подчиненного социального положения женщин. Этот критический анализ имеет и теоретический, и эмпирический аспекты².

Одна из ключевых проблем порождается тенденцией превратить маскулинные и фемининные характеристики в сущностные. Однако понятие «пол» в культурологическом смысле несет в себе двойное преобразование биологических половых различий. Во-первых, роль половых различий социально обусловлена, причем все они без исключения воспринимаются обществом как биологические, но им придается социальное значение. Во-вторых, на социальное восприятие «естественных» половых различий накладываются социальные ожидания их носителей. Как я писала в другой работе, есть общества, в которых встречается более двух половых ролей, и есть общества, где, хотя и признаются только два пола, но на разных этапах своей жизни человек может менять свои половые роли на диаметрально противоположные³.

Родственная проблема порождается ложным представлением о том, что женщины связаны преимущественно с репродуктивной сферой или что их участие в производственной деятельности лишь дополнительно по отношению к тому, что считается их главным предназначением — к демографическому воспроизводству⁴. При таком подходе легко скатиться к тому, чтобы рассматривать женщин просто как средства, использующиеся для создания выгодных альянсов, налаживания обмена, получения наследников и будущих работников и т. п.

Иная опасность заключается в «изымании» пола как мировоззренческой концепции из контекста повседневной жизни. Так, некоторые исследователи символической, связанной с докапиталистической государственностью, представляют государственные космогонические системы в виде сочетания отдельных маскулинных и фемининных составных элементов. Конечно, такие космогонии отражают лишь некоторые из черт, свойственных всему спектру взаимоотношений между полами, которые реально существуют в обществе. К сожалению, многие исследователи символической утверждают, что, напротив, такие космогонии были как бы организационной основой общества в целом. Проблема состоит в ложных посылах, согласно которым, с одной стороны, концептуализация пола единообразна в обществах с классовым делением, а с другой — идеи распространяются только сверху вниз. Хотя господствующая идеология может иметь поддержку широких слоев общества, она дает возникающему государству средство представить повседневный порядок жизни как воплощение полученных свыше установлений⁵.

Атрибуты пола будут меняться в зависимости от положения в социальной иерархии. Мы не должны ограничиваться простым перечислением того, что делали мужчины и что женщины. В процессе формирования государства полоролевая дифференциация пересекается с другими факторами, связанными с новым политически обусловленным разделением труда, в особенности классовым. Во многих случаях этническая принадлежность тоже становится одним из параметров иерархии⁶. Хотя политогенез далеко не всегда наблюдается в этнически разнородном обществе, там, где имеются группы людей, дифференцируемые властями как разные народы, они обычно занимают и различное положение в политическом и экономическом разделении труда. Нередко торговцы или рабы — это одновременно и этнические категории. Мы не можем просто согласиться с тем, что отношения между полами внутри этих «народов-классов» являются производными от доминирующей идеологии или от взаимоотношений полов в других профессиональных или этнических группах.

Неравномерность развития — еще один фактор, влияющий на складывание полоролевой структуры в ходе формирования государства⁷. Эта концепция, заимствованная у С. Амина⁸, делает акцент на результаты взаимодействия разных способов производства (даннического или рабовладельческого и общинного) в условиях влияния со стороны государственности. В связи с необходимостью обороняться от набегов или предотвратить аннексию земель или завоевание народы, граничащие с государственными образованиями, имеют тенденцию, с одной стороны, вырабатывать более жесткие или иерархические системы взаимоотношений полов, чем более отдаленные народы и, с другой стороны, — отличаются по этому параметру от народов, уже включенных в налогово-данническо-повинностные структуры⁹. Можно рассматривать существующее разнообразие во взаимоотношениях полов и соотношении авторитетов мужчин и женщин в центре и на периферии государственных образований как показатели силы или слабости государственных институтов и общинных структур¹⁰.

И наконец, неплодотворно исходить из того, что патриархия* является исконной, или же, что наличие разделения труда между полами указывает на безусловную иерархичность их взаимоотношений. Эта последняя ложная посылка исходит из понимания равенства как одинаковости (и соответственно различий как иерархии), что особенно свойственно либеральной идеологии эпохи капитализма. В капиталистическом обществе формальный параллелизм и принцип дополнительности часто используются для маскировки социальной иерархии. Но многие ученые просто проецируют эту ситуацию на любые эпохи и регионы, игнорируя деструктивные эффекты воздействия государственности, колониализма, классовых образований. Следовало бы поучиться у более радикальных критиков состояния трудовых отношений при капитализме — взять хотя бы, к примеру, их усилия доказать приблизительную равноценность преимущественно мужских или преимущественно женских занятий — тому, чтобы различия, которые могут быть производными просто от организационного разделения труда, не мешали видеть эквивалентность контролирующих функций и соответствующих социальных оценок. Проще говоря, следует проводить разграничение между общественным и организационным разделением труда: общественное разделение труда неизбежно влечет за собой различия в объеме контроля и власти, организационное же просто обуславливает культурные стереотипы эквивалентных занятий с параллелизмом контроля.

Любой рабочий сознает, что простое участие в производственном процессе не обеспечивает еще права контроля над конечным продуктом. Но большинство

* Термин «патриархия» используется К. У. Гейли для характеристики таких взаимодействий между правителями и подчиненными, которые осознаются и описываются терминами родства и пола. Ясно, что в этом смысле «патриархия» не тождественна «патриархату» (*прим. пер.*).

исследователей считают, что, поскольку мужчины выполняют определенную работу, постольку они и контролируют распределение. На самом же деле степень контроля над продуктами труда и самим трудом следует оценивать независимо от субъекта трудового процесса. Для такой установки есть твердые эмпирические основания. К примеру, многие доколониальные западно-африканские общества имели сложную систему распределения функций контроля над продуктами труда между полами: мужья и жены имели право контроля над различными продуктами, даже когда оба пола вкладывали труд в их производство¹¹. Правда, антропологи, как правило, с готовностью фиксируют внимание на тех случаях, когда мужья контролировали конечный продукт¹², и лишь немногие отмечают ситуации, в которых жены контролировали продукты труда своих мужей¹³. Поскольку в государственных и классовых структурах право контролировать труд и его результаты является предметом соперничества, постольку особого внимания требует изучение различных вариантов тонко сбалансированных систем распределения функций такого контроля между полами.

Пол и формирование государства: развитие концептуальной основы. Те немногие исследователи, которые при изучении становления и институционализации классового разделения труда придают большое значение проблемам пола, работают в русле диалектической марксистской традиции¹⁴. Я думаю, что именно в этой традиции существует большая теоретическая ясность относительно взаимопереплетения производства и общественного воспроизводства, относительно полоролевых позиций и социальной стратификации. В частности, когда имеешь дело с изучением фактора пола в условиях глубоких социокультурных перемен, сталкиваешься как с сохранением старых стереотипов, очень разных по содержанию, так и с принятием или созданием различных новых форм, которые должны служить функциональными эквивалентами старых, уходящих, исчезающих. Анализ такой сложной ситуации требует диалектического, анализирующего развития мышления. Динамика классовообразования включает сдвиги в концептуализации пола, ведь даже отношения между классами часто отражаются в идеологии с помощью метафор, насыщенных символикой пола.

Пол в разных классах. В процессе возникновения классовых и государственных структур противостоящие социальные группы по-разному используют различия между полами, во-первых, как основы для организации работы и распределения продукции, а во-вторых, в виде идиомы, отражающей систему воспроизводства населения и весь общественный порядок в целом.

У производящих классов половые различия по меньшей мере частично задействованы в сфере общественного производства, независимо от того, в какой степени деятельность женщин связана с домашним хозяйством. Кроме того, в представлениях о половых различиях символизируется социальная преемственность: родство, социализация младшего поколения, культуротворчество, совершение ритуалов, знаменующих наступление взрослости, зрелости и т. д. Неразрывная связь натурального хозяйства с воспроизводством жизни в общине создает условия по крайней мере для частично недифференцированного самовосприятия личности. В то же время идентификация крестьянки или занятой в производстве женщины не может быть полностью поглощена ее репродуктивной ролью. Степень уважения в общине к производственной деятельности женщины зависит от характера производственной ячейки. Если производство пищи (включая распределение и потребление) ограничено преимущественно семейно-брачными рамками, женщины вряд ли будут иметь авторитет в общине.

У непроизводящих классов половая принадлежность ассоциируется преимущественно с репродуктивной деятельностью — с поддержанием классовой структуры, поддержанием состава доминирующего класса (классов), с наследованием имущества и политических позиций. Таким образом, распределение

обязанностей между мужчинами и женщинами у элиты связано с репродуктивной сферой. Поскольку преемственность и наследование несут столь сильную политическую нагрузку, постольку биологические аспекты воспроизводства людей — в том числе кровное вертикальное (линейное) родство взамен горизонтального (латерального) социального особо акцентируются. Женщин из высшего класса могут принуждать производить на свет наследников или, напротив, не производить — в зависимости от политики, регулирующей наследование. Конечно, эта схема может еще усложниться в том случае, если обеспеченные классы исключаются из сферы политической деятельности — например, ацтекские почтека.

Иерархия полов и докапиталистические формации. Половой параллелизм.

Иерархия полов — это регулярная ассоциация социального доминирования и власти с той атрибутикой, которая в данной культуре приписывается маскулинности. Многие авторы склонны либо считать, что иерархия полов существовала всегда, либо — превратно истолковывать все ее формы как патриархию. Такое толкование ведет к тому, что иерархию полов рассматривают как некую статичную форму, а не как процесс, отмеченный противоборством. Рассмотрим несколько исторических типов иерархии полов.

Пожалуй, наиболее распространенной формой взаимоотношений полов в государствах, возникающих из общинных структур, является половой параллелизм. И. Сильверблатт ввела этот термин применительно к взаимоотношениям полов в империи инков, имея в виду относительно самостоятельность принятия решений мужчинами и женщинами в рамках своих традиционных сфер деятельности и в пределах тех классов, к которым они принадлежали. В таких случаях половой параллелизм являлся наследием, полученным от обществ, основанных на родственных структурах. Но в отношениях между классами в таком обществе обнаруживается символическая иерархия полов, когда мужские свойства и качества или атрибуты маскулинности (которые могут проявляться как у мужчин, так и у женщин) воспринимаются как признак большей силы, могущества: завоеватели и властители — инкская элита — ассоциировались с маскулинной символикой. Однако внутри высшего класса женщины сохраняли ведущую роль в таких занятиях, как ткачество, приготовление напитков, в некоторых видах агрономии, например в отборе семян. *Койя* была символической правительницей всех женщин в империи и как сестра-жена верховного Инки она осуществляла высшие административные функции в его отсутствие. Подобный половой параллелизм был характерен и для общинного быта покоренного населения, где, если оставить в стороне тяготы даннической эксплуатации, и женщины и мужчины имели полноценные имущественные права и права контроля над продуктами своего труда.

Тот факт, что половой параллелизм широко распространен в условиях перехода от общинных к классовым обществам, демонстрирует еще один аспект даннического пути формирования государства. Поскольку распределение функций по полу — важнейший момент в организации работы в общинных структурах, постольку оно представляет собой удобную организационную модель, которая может быть использована и при производстве дани и при осуществлении контроля за выполнением принудительных работ. Формирующийся аппарат управления, таким образом, стремится использовать организационное разделение труда для отчуждения материальных ценностей и организации трудовых повинностей. Такое использование уже имеющихся форм распределения производственных функций демонстрирует неспособность формирующихся государственных систем организовать производство иным образом, за исключением тех случаев, когда используется труд пленников или рабов.

Проявления полового параллелизма поэтому могут служить показателем степени сопротивления родственных структур государственным порядкам. Там, где половой параллелизм сохраняется и в общинном, и в государственном производстве и где он повторяет формы догосударственного разделения труда

между полями — там сила государственных учреждений ограничена. Это особенно относится к тем случаям, когда господствующее общество обнаруживает иные типы разделения труда между полями, чем культура подчиненных областей.

Половой параллелизм может сосуществовать с общественным разделением труда, при котором мужская работа в большей мере ориентирована на производство для государства, а женская — на обеспечение местного потребления. Со временем престижность государственного производства, а также недоверие и недоброжелательство, с которыми власти относятся к местному натуральному хозяйству, могут в деформированном виде представлять социальную ценность мужской и женской работы. Так, инкское государство эксплуатировало женщин в покоренных общинах взиманием с них налога в виде готовой материи, а мужчин — привлечением к общественным работам. Оценивался их труд по-разному: власти в большей мере поощряли прямое участие в государственных работах, хотя отчуждаемые товары объективно были ценнее. Но более всего господствующая идеология прославляла состоявших постоянно в услужении у государства женщин, чьи родственные отношения и репродуктивные способности находились под его контролем.

В тех же случаях, когда главной формой эксплуатации была трудовая повинность, в общинной организации труда и контроля над его продуктами особенно часто сохранялся половой параллелизм. Это наблюдалось в доколониальных государствах Западной Африки, где государственные повинности заключались главным образом в ежегодном рекрутировании воинов для участия в набегах за рабами.

В целом в докапиталистических обществах существует большое разнообразие типов половой иерархии, причем эти типы развиваются неравномерно. Их изучение позволяет выявить как специфику половой иерархии при капитализме, так и наличие в условиях последнего тех форм, которые сохранились от предшествующих времен, а также объяснить, почему половая иерархия не исчезает с переходом к социализму.

Появление государственности и преобразование полоролевых стереотипов. Как указывал, опираясь на проделанный Марксом анализ, Л. Крейдер, при азиатском — данническо-повинностно-податном способе производства господствующие непродуцирующие классы должны были мешать подчиненным общинам вести производство по-старому, и в то же время само существование этих классов зависело от сохранения общин, основанных на связях родства¹⁵. Возникающие государственные учреждения были слишком слабы, чтобы обеспечить новое, гражданское разделение труда во всех слоях общества сверху донизу.

Во многих докапиталистических государствах практиковались такие формы привлечения людей для принудительного труда, при которых мужчины и женщины выполняли работы, соответствующие их традиционным занятиям. Так, в Древнем Египте квалифицированных мастеров призывали для участия в строительстве монументальных сооружений, их жен — для выращивания урожая, потреблявшегося рабочими, хлебопечения и обслуживания поселений строителей и ремесленников. В храмовых хозяйствах женщины в качестве податей должны были приносить охапки папируса. Ацтеки взимали подати тканями, за что ответственны были преимущественно женщины¹⁶.

Но хотя такие трудовые повинности копировали традиционные формы распределения обязанностей — за исключением тех случаев, когда подданные принадлежали к иным культурам — происходили имплицитные изменения в назначении и осмыслении деятельности, ассоциирующейся с тем или иным полом. Людей для работы отбирали, в значительной мере абстрагируясь от их половой роли. Половая роль оказывалась в какой-то мере оторванной от социальной идентичности производителя, так же как продукт, производимый для дани,

неважно, у кого он изымался — у него или у нее. В более слабых государствах, привлекая к принудительному труду, принимали во внимание некоторые другие факторы — брачный и родительский статус, положение в системе родственных связей и т. п. Но чем сильнее государство, тем меньше учитывались при отборе для принудительных работ все другие критерии социальной идентичности и, тем более, абстрактной становилась категоризация пола.

Женщины, как и мужчины продолжают участвовать в производстве и, как правило, женская деятельность не ограничивается одними только домашними занятиями. Как и мужчины, женщины утрачивают право распоряжаться некоторыми продуктами своего труда или своей рабочей силой. Их репродуктивные функции, как и репродуктивные функции мужчин, переосмысливаются. Но в отличие от мужских, именно репродуктивные функции в значительной мере определяют социальное положение женщин, в связи с чем женщины из подчиненных общин символизируют в глазах государства преемственность и потенциальную автономию этих общин.

Женщины в общинах производителей, остающиеся включенными в традиционную родственную структуру, могут сохранять свой авторитет, основанный на их статусе, опыте, возрасте, на роли в системе родственных связей, на индивидуальном мастерстве. Но роли в системе родственных связей могут терять свое значение по мере того, как гражданские власти нарушают динамику жизни общин, усиливая свой контроль над ними.

Логика намерений гражданских властей касательно полового и иных параметров социального положения людей в первую очередь обнаруживается по отношению к социальным низам, а затем уже — к другим общественным классам. В большинстве ранних государств это видно по обращению с пленниками или жителями завоеванных областей.

В некоторых из таких государств пленников-мужчин убивали или приносили в жертву, женщин же либо использовали для нужд государства (их труд или сексуальные услуги), либо отдавали тем или иным государственным чиновникам в качестве награды за службу. Такая практика нуждается в объяснении. Для государственного хозяйства, основанного на эксплуатации труда, желательно увеличение числа работников при ограничении их возможности самоорганизоваться или сохранить общинную принадлежность. Убийство или продажа пленных мужчин и порабощение женщин соответствует этой двойной задаче. Как отмечала Э. Ликок, женщины способны как работать, так и производить на свет новых работников¹⁷. Их ценность в качестве пленниц заключается в их биологических репродуктивных возможностях. Так как женщины лишены всех родственных связей, их репродуктивные функции оказываются вне того социального контекста, в котором материнство повышает статус женщины. Вместо этого репродуктивные способности становятся залогом бесперспективного будущего женщин, используемых и контролируемых господствующим классом (классами).

Та же логика, принимающая, правда, иные формы, но проявляющаяся в сходных результатах, проступает и в обращении с жителями завоеванных областей. Покоренное военным путем население — это в конце концов либо бывшие, либо потенциальные мятежники. Во многих случаях вмешательство государства завоевателей в местную систему воспроизводства населения выражается в узаконивании или запрещении браков, запрете самоубийства (твоя жизнь принадлежит государству), регистрации рождения и т. п., а также в узурпации организации земледельческой обрядности и других ритуалов плодородия. Один из самых простых и доступных способов ограничить местную автономию — рекрутирование, насильное изъятие людей. В то время как для выполнения временных трудовых повинностей использовали преимущественно мужчин, для несения пожизненной службы привлекались либо целые общины, либо одни женщины.

Там, где женщины изымались из своих родных сообществ, их новый статус определяли несколько факторов: стирание их родственной принадлежности;

им надлежало быть либо девственницами, либо их сексуальные услуги предназначались для использования только в интересах государства, и работали они только на государство или на государственных служащих, к которым были приписаны. Эти женщины были в услужении при храмах в качестве жриц или иного персонала, выполняли роль дополнительных жен, наложниц, государственных мастериц, несли военную службу. Они могли при этом иметь и достаточно высокий статус. Люди из подчиненных общин иногда сами предлагали для этого своих дочерей с целью получить определенные политические выгоды, но большинство этих женщин отбиралось во время периодических наборов. И. Сильверблатт пишет, что хотя целомудренные, считавшиеся святыми *аклла*, символические жены Инки почитались на местах, андские сообщества рассматривали отбор девочек на эту роль как повинность, наложенную государством.

Исходя из всего сказанного, я настаиваю, что соотношение половых ролей и статусов становится иерархическим раньше на межклассовом уровне, чем на внутриклассовом. Одна из причин того — это то, что отношения между полами, принадлежащими к разным классам, отражают противоречия, существующие внутри элитарного слоя. Женщины из производящего класса часто считаются сексуально доступными для мужчин из элиты, что означает сексуальную свободу последних за пределами репродуктивной сферы, подчиненной классовым интересам. Приниженный статус женщин усугубляется правовыми различиями между партнерами таких любовных связей. Ролевая и статусная дифференциация по полу также служит властям для контроля над подчиненными общинами, для регулирования их воспроизводства. Избранные плодотворные женщины могут быть изъяты из их родных общин на роль дополнительных жен царя, наложниц, священных девственниц, рабынь или служанок. Приобретение мужчинами статуса отцов и мужей с высоким социальным авторитетом и подчинение женщин как дочерей и жен мужской власти могло быть тоже тесно сопряжено с развитием классовых отношений и являть собой один из аспектов государственного контроля над общинным воспроизводством.

Женщины в гражданской сфере. В отношении женщин из элиты речь должна идти опять-таки скорее не о статусе, а об относительном авторитете. У непроизводящих классов половое воспроизводство и мужчин, и женщин приобретает политическую нагрузку. Наследование — главная политическая проблема элиты. Там, где наследование по-прежнему определяется родством, контроль за сексуальным поведением женщин, которым предназначено родить наследника / наследницу, осуществляется весьма строго. Поведение мужчин-прародителей в их отношениях с женщинами высокого положения также находится под надзором властей. По-разному контролируемая — больше у женщин, меньше у мужчин — гетеросексуальность является частью динамики политогенеза. Государственные пантеоны часто включают образ сексуально активной, но верной супруги или же расщепляют этот образ в представление о богине, которая приносит счастье в том случае, когда ее сексуальность находится под контролем мужа, и становится разрушительным началом, будучи предоставленной самой себе¹⁸.

Однако все это не исключает отмеченных выше проявлений полового параллелизма: знатные женщины могли контролировать труд женщин более низкого ранга, взимать с них налог, быть соправительницами при царях и т. д. Роль полового параллелизма уменьшается по мере того, как милитаризм — неизбежный фактор государствообразования — становится все в большей степени маскулинизированным и слитым с системой управления. Вытеснение знатных женщин с административных постов тесно связано с их положением в системе наследования, так как вопрос о наследовании становится более проблематичным. Там, где женщины сохраняли стратегические позиции, как у *надигу* Ниппура — сестры и дочери знатных людей могли наследовать и передавать собственность внутри своих линиджей, — им не разрешалось иметь де-

тей¹⁹. Женщины могли осуществлять высшую власть и там, где они были по существу лишены родни, будучи адаптированы в определенную группу, как, например, вторая «жена» Амона в Египте эпохи Нового Царства.

В целом элита воплощает наиболее материализованное чувство сексуальности, так же как она материализует родство социальное в кровное линейное. И для женщин, и для мужчин у элиты сексуальные отношения между равными сопряжены с опасностью, за исключением тех случаев, когда их цель — продолжение рода в браке. Для женщины проявление сексуальности в отношениях с мужчиной безопаснее, когда вопрос о наследниках уже решен. Возможности внебрачных связей для знатных женщин варьируют в зависимости от характера законов о наследовании и юридического определения отцовства. Намного свободнее проявление сексуальности может осуществляться по отношению к тем, кем владеют, кто находится в полной зависимости. Распространение института дополнительных жен или конкубината в докапиталистических государствах — это воплощение отношений господства в сексуальных отношениях.

Отношение к женщинам из производящихся классов одновременно и как к низшим и как к сексуальным по своей «природе», а потому сексуально доступным, связано с политическими аспектами сексуальности у элиты и с динамикой соотношения гражданских и родственных структур, охарактеризованной выше.

Патриархия и неравномерность общественного развития. Иерархия полов — в той или иной форме — обязательно появляется с развитием классовых отношений и формированием государства, но патриархия не всегда. Патриархия — это такое положение, при котором женщины и юридически, и неформально неполноправны, находятся под опекой сначала отцов, потом мужей. Такие взаимоотношения обычно отмечены тем, что место брачного выкупа начинает занимать приданое, по крайней мере в среде имущих классов²⁰. В других случаях брачный выкуп может утратить свое связующее значение между женщиной и ее родичами, и тогда он превращается в «цену невесты». Патриархия может иногда характеризовать отношения между полами внутри различных общественных классов, но повсюду, где она существует, она обязательно характеризует эти отношения между разными классами.

Минимальным условием существования патриархии является основанная на законном браке семья, которая 1) владеет собственностью и передает ее по наследству; 2) функционирует как производящая ячейка. Оба эти условия обеспечиваются эрозией или распадом коллективных форм труда и собственности, основанных на общинных связях. Появление патриархии, таким образом, связано с политической борьбой между общинно-родственными структурами и государственными институтами.

Для того, чтобы патриархия распространилась среди производящих классов, развитие эксплуатации — даннической или принудительно-трудовой — должно сломать защитную систему родственных групп либо посредством прямого порабощения, либо посредством разрушения коллективистских форм землепользования и организации труда. Это может случиться, к примеру, в результате завоевания, обложения данью под угрозой насилия, превращения общинных земель в пожалованные поместья, в условиях депопуляции или при включении домашнего хозяйства в товарное производство. Ответственность за уплату налогов, требующих наличных денег, или же за внесение натуральных податей может быть возложена на мужей и отцов, квалифицируемых сборщиками налогов в качестве глав семейных хозяйств.

Патриархальные формы отношений могут возникнуть внутри общин производителей как ответ на разложение общинного способа производства. Тем самым, защита общины во многих случаях происходит за счет упадка женского авторитета. Там, где возникает опасность захвата общинных земель государством или частными лицами, усиливается роль патрилинейности, и в этих условиях

замужние женщины теряют прежние права и авторитет, превращаются просто в матерей своих сыновей, как случилось во многих районах Восточной Азии. Во избежание умыкания молодых женщин все их передвижения и поведение в целом более строго контролируются. Иными словами, по иронии истории диалектика процесса такова, что усилия государственных учреждений установить контроль над производством и воспроизводством населения в общинах и ответное сопротивление этим многообразным усилиям в сочетании ведут к распространению патриархии среди производящих классов. Внешним показателем укоренения патриархии в родственных общинах является обложение податями отдельных семей, а не общин в целом, а также производство как жизнеобеспечивающей, так и отчуждаемой продукции на семейной основе. Конечно, в докапиталистических России и Турции налогообложению подвергались общины в целом, но в них мужчины были официально признанными государством руководителями и главами домохозяйств. Тем не менее становление патриархальных отношений связано прежде всего с такой системой, при которой единицей налогообложения становится семья. В противном случае связь общественной власти с ролью мужа/отца не отражала бы повседневные реалии производства и отчуждения продукции.

Патриархия может начать формироваться там, где локализованные патрилиниджи превращаются в субъекты выплаты дани или налога. Так, отношения в китайских крестьянских общинах XVII в., основанных на линиджных связях, или в турецких общинах Османской империи были сугубо патриархальными, как и отношения в высших классах. Остается, однако, выяснить, насколько древней является эта модель. Я не обнаружила свидетельств того, что патриархия была характерна для Китая эпохи Шань. Я также подозреваю, что в городах-государствах Месопотамии патриархия возникла только после тысячелетий господства других форм иерархии полов в районах, находившихся под воздействием становящейся государственности²¹.

Патриархальные отношения могли также развиваться в основанных на узаконенных родства общинах на периферии формирующихся ранних государств, где родственные группы избегали включения в государственную структуру путем миграции. Для тех же, кто не имел такой возможности, альтернативой миграции были: 1) милитаризация, обуславливающая особое соотношение половых ролей и статусов; 2) ужесточение прав собственности на землю и трудовые ресурсы, т. е. создание более сплоченных родственных групп; 3) возникновение своего рода *modus vivendi* с распространяющейся вширь государственностью, как, например, превращение в профессиональную группу торговцев или работоторговцев²². Любая из этих альтернатив ведет к усилению внутренней стратификации и в целом к такому преобразованию половых ролей, которое отражает увеличивающееся неравенство²³.

Но патриархальность не была неременной чертой ранней государственности. Возникновение малых или больших семей, владеющих собственностью, было менее вероятным при следующих условиях: 1) дисперсном расселении патрилиниджей или же существовании общины на основе неэкзогамных родственных групп или матрилиниджей; 2) общине как единице налогообложения; 3) господстве коллективных (надсемейных) форм организации труда в хозяйственной деятельности.

Исследователям процесса образования государственности гораздо хуже известны те ситуации, когда патриархия характеризует отношения на межклассовом уровне, а не обязательно на внутриклассовом. Я бы предположила, что эта форма превалировала в том случае, когда государственные структуры вырастали из родственных, но первичная форма половой иерархии чаще всего была иной. Я думаю, что признаки патриархии надо видеть в практике использования ролевых метафор мужа или отца для выражения обязанности женщин служить монарху / государству в качестве наложниц, служанок, религиозного персонала и т. п.²⁴ В Дагомее, например, взаимоотношения внутри

элиты характеризовались как бы подчеркнутым формальным половым параллелизмом. Мать царя возглавляла параллельную бюрократическую систему, объединявшую матерей всех государственных чиновников. Но деревенские девушки, отбравшиеся для постоянной службы в качестве воинов, проституток или служанок, номинально считались «женами» царя и по существу были под его опекой и в личной зависимости от него — в отличие от жен в патрилинейных деревенских общинах²⁵.

В условиях, когда общине важнее сохранить содержание ролей внутри родственной структуры, чем их форму, женщины имеют больше шансов удерживать прежний авторитет в сфере родственных отношений. Это бывает в тех случаях, когда женщины занимают ключевые роли в ритуалах, связанных с плодородием, имеющих первостепенную важность для преемственности правовых отношений. Особенно успешно женщинам удастся отстаивать свои позиции там, где они не только производят, но и распределяют продукцию, например ведают торговлей, как в Западной Африке. Там при наличии патриархальной структуры имеются сферы, где женщины пользуются значительным влиянием.

Патриархальные отношения между полами могут сложиться в раннегосударственных, рабовладельческих, капиталистических или социалистических обществах в зависимости от эффективности домохозяйств как социально-экономических ячеек.

Абстрактная иерархия полов. В абстрактной иерархии полов занятия, ассоциирующиеся с маскулинностью, считаются более важными и престижными, чем связанные с фемининностью, независимо от пола их исполнителей. Женщины и мужчины могут выполнять одинаковые работы, но власть при этом падает к тем, кто играет мужскую роль²⁶.

Переход от семейной организации труда к индивидуальному наемному труду говорит о начале распада патриархальных отношений. Абстрактная иерархия полов в большей мере соответствует условиям абстрактного индивидуализма в тех случаях, когда отдельные люди нанимаются на работу и лично получают жалование, когда собственность сосредоточивается в руках корпораций, имеющих статус индивидов, когда наследование не находится в прямой зависимости от брачных отношений и их узаконенности и когда именно индивиды получают право гражданства²⁷.

Если рассмотреть отношения между полами в современных капиталистических странах, например в США, то можно выявить некоторые условия как для появления, так и для исчезновения патриархии. Нет единого мнения относительно того, как характеризовать отношения между полами среди малоимущих классов. Но хрупкость и непрочность супружеских уз, а также преобладание системы родственных связей, концентрирующихся вокруг женщин, в среде хронически безработных (независимо от их этнической принадлежности) со всей очевидностью показывают, что патриархия не может существовать в таких условиях.

Абстрактная иерархия полов, по-видимому, встречается там, где производство имеет обобществленный характер, а присвоение — либо частный, либо государственный. Различие между половым параллелизмом и абстрактной иерархией полов заключается в том, что половой параллелизм сохраняется во многих системах с даннической или повинностно-податной формами эксплуатации, потому что там сохранились общинные формы труда и распределения, а также уцелело натуральное хозяйство, хотя и в виде второстепенного уклада. В капиталистических структурах натуральное хозяйство отсутствует почти или вовсе, и когда речь идет о благосостоянии, имеются в виду группы отдельных индивидов или непрочные домохозяйства и родственные группы. В таких условиях абстрактная иерархия полов может также характеризовать отношения внутри общественных классов, а не только между ними.

Сегодня, когда государство и экономика становятся все более нерасчислимыми как формы бюрократического контроля, полового параллелизма уже

нет. Имеется лишь сексуальный параллелизм в некоторых профессиях, где женщины проявляют некоторые мужские черты. Теперь существует не параллелизм авторитетов в половом разделении труда, а решительное отрицание какого-то иного разделения труда, кроме унаследованного якобы социобиологически.

Пол и различие способов производства. Как и другие аспекты процесса формирования государства, иерархия полов отражает неравномерное развитие, результат различий в скорости и путях инкорпорации народов и отдельных общин в государственные образования, а также колебания — усиление или ослабление интенсивности действий гражданских учреждений при их наступлении на общинные структуры и соответственно волнообразность реакции последних.

Относительная величина авторитета женщин отражает эти флуктуации, противоборство между притязаниями государственных институтов и усилиями непосредственных производителей сохранить контроль над собственным производством и воспроизводством своего состава. Но вопреки распространенному мифу я считаю, что иерархия полов более отчетливо выражена в господствующих непродуцирующих классах, хотя женщины в этих классах и обладают значительным общественным авторитетом, благодаря своему классовому положению²⁸.

Пересечение классовых и полоролевых позиций дает богатые возможности для объяснения относительного социального авторитета женщин, принадлежащих к господствующим классам. Но этим не объяснить относительный авторитет женщин в более маргинальных секторах производящих классов. Что составляет эту маргинальность? Один из возможных случаев — это когда натуральное хозяйство сохраняется в тени доминирующих капиталистических отношений, обеспечивая авторитет женщин среди тех категорий людей, которые остаются в стороне от сферы наемного труда. Кроме того, маргинальная сфера может включать мелкое товарное производство — ремесленные изделия или пищу. Эта сфера может иметь важное значение в определенной местности или области, но в контексте всего общества ее роль незначительна.

Сейчас женщины сохраняют значительный авторитет там, где традиционное производство для сферы потребления частично сохраняется в нетронутom виде, как это наблюдается в сфере жизнеобеспечения во многих неокOLONиальных странах. Значительный авторитет внутри своего класса можно обнаружить и у женщин тонга, занятых в мелкотоварном производстве, или у женщин кечуа и аймара Андского нагорья — авторитет, сравнимый с авторитетом женщин у городского пролетариата²⁹.

Другой пример, когда женщины могут иметь внутри своего класса авторитет больший, чем в обществе в целом, касается тех случаев, когда маргинальность определяется политически, часто по расовому или этническому признаку. Группы, этническая обособленность которых усиливается в процессе государствообразования, закрепляясь их особым местом в системе общественного разделения труда, являясь одновременно и объектами дискриминации, и очагами сопротивления. Такое положение сохраняется до тех пор, пока такие группы занимают соответствующее место в системе общественного разделения труда; но оно изменяется, когда внутри группы начинается процесс классовой дифференциации. Положение женщин в этих группах отражает скорее ситуацию, предшествующую завоеванию, нежели ту, что характерна для господствующего общества. Во многих случаях это означает, что они обладают большим авторитетом, чем женщины в господствующем обществе.

Патриархия не является неизбежным следствием иерархии полов, возникающей вместе с классами и государством. Реальный авторитет женщин в любом государстве зависит от других факторов социальной стратификации. В отдельных социальных сферах может наблюдаться патриархальность, а в других — в большей мере проявляться половой параллелизм. Эта вариативность половой

иерархии отражает динамику неравномерного развития, которое само является следствием борьбы между родственными и государственными структурами. Сопротивление процессу образования государства, сознательное или структурное, способствует сохранению тех традиций, которые обеспечивают безопасность группы как единого целого — даже если групповая сплоченность при этом слабеет.

Сейчас в неокOLONиальных странах наряду с экспансией капиталистических производственных отношений наблюдаются общественные движения, ей противодействующие. Пытаясь вычлениТЬ в этих движениях борьбу за эмансипацию, необходимо уважать стремление людей опираться на традиционные (докапиталистические, а иногда и догосударственные) формы полового параллелизма, даже если эти формы не вполне совпадают с нашими представлениями о прогрессе. К примеру, легко провести параллели между современными ассоциациями женщин Кубы, созданными намеренно для укрепления женских социальных позиций, и доколониальными, догосударственными ассоциациями жен в патрилинейных линиджах игбо³⁰.

Следует творчески изучать институты, поддерживающие половой параллелизм в первобытных обществах и в общинно-родовых структурах неокOLONиального мира. Чтобы ввести этноисторию в марксистскую научную традицию, нужно не отрицать революционизирующий эгалитаризм нашего древнего наследия как первобытный и примитивный, но реинтегрировать его на ином, соответствующем современным производительным силам уровне.

Перевод О. Ю. Артемовой, В. А. Шнирельмана

Примечания

¹ Gailey C. W. Kinship to Kingship: Gender Hierarchy and State Formation in the Tongan Islands. Austin, 1987. Ch. 2.

² Обзор этой литературы см. Ibid. Ch. 1.

³ Eadem. Evolutionary Perspectives on Gender Hierarchy // Analyzing Gender. Newbury Park, 1987. P. 32—67.

⁴ См. например, Meillassoux C. Maidens, Meal and Money: Capitalism and Domestic Community. Cambridge, 1981.

⁵ Сравни Geertz C. Negara: The Theatre-State in Nineteenth Century Bali. Princeton, 1980.

⁶ Gailey C. W., Patterson Th. C. Power Relations in State Formation // Power Relations in State Formation. Washington, 1987.

⁷ Gailey C. W., Patterson Th. C. State Formation and Uneven Development // The Origins and Development of Social Stratification and Political Centralisation. L., 1988.

⁸ Amin S. Unequal Development. N. Y., 1976.

⁹ Gailey C. W. The State of the State in Anthropology // Dialectical Anthropology. 1985. V. 9. № 1—2. P. 65—89; Diamond S. Dahomey: A Proto-state in West Africa. Ann Arbor, 1951; Неравномерное развитие, как Петерсон и я пытались показать, только частично связано с тем, что государство первоначально возникает лишь в отдельных очагах. Оно отражает в различной степени успешное сопротивление отдельных районов, сообществ и народов внедрению государственности и эрозии общинных моделей работы и культуры. См. Gailey C. W., Patterson, Th. C. State Formation...

¹⁰ Gailey C. W. Kinship to Kingship... P. 41.

¹¹ Etienne M. Women and Men, Cloth and Colonization // Women and Colonization. N. Y., 1980. P. 214—238.

¹² Например, Meillassoux C. Op. cit.

¹³ Etienne M. Op. cit.

¹⁴ Silverblatt I. Andean Women in the Inca Empire // Feminist Studies. 1978. Vol. 4. № 3; eadem. Women in States // Annual Rev. in Anthropology. 1988. № 17. P. 427—460; eadem. Moon, Sun and Witches: Gender Ideologies and Class in Inca and Colonial Peru. Perinceton, 1987; Diamond. S. Op. cit.; Sacks K. Sisters and Wives: The Past and Future of Gender Equality. Westport, 1979; Leacock E. B. Introduction // Engels F. The Origin of the Family, Private Property, and the State. New York, 1972; eadem Investigating the Origin of Gender Inequality: Conceptual and Historical Problems // Dialectical Anthropology. 1983. Vol. 7. № 4. P. 263—284; Fleuhr-Lobban C. A. Marxist Reappraisal of the Matriarchate // Current Anthropology. 1979. Vol. 20. P. 341—359; Zagarell A. Trade, Women, Class and Society in Ancient Western Asia // Current Anthropology. 1985. Vol. 27. № 5. P. 415—430; Gailey C. W. Putting down Sisters and Wives: Tongan Women and Colonization // Women and Colonization. N. Y., 1980; eadem Women and Warfare in Precapitalist States // Culture (J. the Canadian Ethnological Society). 1984. Vol. 14. № 1.

P. 61—70; *eadem* The State of the State; *eadem* Kinship to Kingship..., *eadem* Evolutionary Perspectives...

¹⁵ *Krader L.* The Asiatic Mode of Production. Assen, 1975.

¹⁶ *Nash J.* Aztec Women: The Transition from Status to Class in Empire and Colony // Women and Colonization.

¹⁷ *Leacock E. B.* Investigating the Origin...

¹⁸ *Friedrich P.* The Meaning of Aphrodite. Chicago, 1977.

¹⁹ *Stone E.* The Social Role of the Nippur Naditus // J. Econ. and Social History of the Orient, 1981.

²⁰ *Bridewealth and Dowry.* Cambridge, 1973.

²¹ Однако, см. *Lerner G.* The Creation of Patriarchy. N. Y., 1986.

²² См. *Patterson Th. C.* Merchant Capital in the Inca State // Dialectical Anthropology. 1988. V. 12.

²³ См. *Muller V.* Origin of Class and Gender Hierarchy in Northwest Europe // Dialectical Anthropology. 1985. V. 10. № 1—2. P. 93—107; *Gailey C. W., Patterson Th. C.* State Formation...

²⁴ *Gailey C. W.* Evolutionary Perspectives...

²⁵ *Diamond S.* Op. cit.

²⁶ Эта форма иерархии полов упоминалась выше как характерная для межклассовых отношений в тех архаических государственных обществах, которые в иных отношениях демонстрировали половой параллелизм. Но иерархия полов в даннических государственных структурах включала половой параллелизм внутри различных социальных классов. Он, по крайней мере первоначально, сосуществовал с абстрактной иерархией, которая выражала отношения между классами. Во многих случаях гражданские институты так и не смогли разрушить единство родственных групп, и тогда отношения между полами в них свидетельствовали о сохранении женского авторитета. См. *Diamond S.* Op. cit.

²⁷ *Gailey C. W.* Evolutionary Perspectives...

²⁸ Ibidem.

²⁹ *Silverblatt I.* Op. cit; *Gailey C. D.* Kinship to Kingship...

³⁰ *Van Allen J.* «Sitting on a Man»: Colonialism and the Lost Political Institutions of Igbo Women // Canadian J. African Studies. 1972. V. 6. P. 165—181.